

Католический священник Антон КУЯВА — участник Кенгирского восстания заключенных

После раздела Польши осенью 1939 года настоятель католического прихода в польском местечке Язно Полоцкого воеводства Антон КУЯВА¹ оказался в СССР, на территории Литовской советской социалистической республики. Ему повезло, и он не разделил участь многих священнослужителей, которых советские власти в массовом порядке отправили в лагерь в 1940 году.

В 1941 году значительная часть территории СССР была оккупирована немецкими войсками, но и тогда отец Антон продолжал свое пасторское служение. В 1943 году **«за нарушение распоряжений оккупационных властей»**² он был арестован гестапо и несколько месяцев провел в тюрьме. Но благодаря неустанным обращениям прихожан он был освобожден и продолжил свое служение.

К возвращению советской власти Антон КУЯВА находился в местечке Моссары Полоцкой области и служил настоятелем местного костела. 17 февраля 1949 года Антон КУЯВА был арестован и заключен в Полоцкую тюрьму в Постановлении на арест, утвержденном 8 февраля, значилось:

«<...> будучи по идейным убеждениям врагом Советской власти, в период с 1944 по 1949 год, под прикрытием религиозно-католических праздников, систематически участвовал в сборищах ксендзов, на которых обсуждались антисоветские вопросы пораженческого характера. Среди граждан своего прихода КУЯВА проводил антисоветскую пропаганду, направленную против вступления молодежи в комсомол и работы граждан в сов<етских> учреждениях».

Начались непрерывные ночные допросы; судя по документам следственного дела, ему не давали спать по трое-четверо суток — с 1 по 4 марта, с 7 по 11 марта, с 13 по 17 марта 1949 года. Основное обвинение **"в измене Родине"** строилось лишь на факте освобождения Антона КУЯВЫ из тюрьмы в 1943 году гестапо. Следствие утверждало, что католический священник АНТОН КУЯВА **«был завербован немецкой жандармерией в качестве агента и получил задание на выявление советских партизан, и должен был доносить об их действиях».**

Доказательств такого серьезного обвинения в предварительных материалах следственного дела и в "Обвинительном заключении" нет, но в результате издевательств и давления следователя отец Антон был вынужден признать свою вину. Позднее в своих обращениях из лагеря к представителям Верховного Суда и Прокуратуры СССР он сообщит о **"незаконных методах дознания"**, так мягко назвав истязания в ходе допросов.

Пасторскую деятельность отец Антон продолжил и в тюрьме, о чем немедленно доложил "добровольный помощник" чекистов, посаженный к нему в камеру. Донесение этого "добровольца" в полном объеме вошло в

¹ **КУЯВА** Антон Николаевич, родился в 1908 в деревне Потулино под Познанью, в крестьянской семье. Окончил Виленскую духовную семинарию и в 1937 — был рукоположен. Проживал в местечке Язно под Дисной Полоцкого воеводства, служил в местном костеле; оставался там во время советской и немецкой оккупации.

² Кроме особо отмеченных случаев, выдержки из документов цитируются по: Личное дело заключенного А. Н. КУЯВЫ // Центральный архив МВД РФ.

материалы "Обвинительного заключения", добавив к главному обвинению **"в измене Родине"** подкрепленное доносом новое обвинение:

«КУЯВА, будучи арестованным по данному делу, среди арестованных в камере в период февраль-апрель месяцев 1949 года систематически проводил антисоветскую пораженческую пропаганду, используя при этом передачи зарубежных радиостанций, которые он слушал до ареста».

От высшей меры наказания заключенного Антона КУЯВЫ спасло то, что уже действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года "Об отмене смертной казни". 21 мая 1949 года по Постановлению Военного Трибунала войск МВД Полоцкой области КУЯВА Антон Николаевич был приговорен по статьям 63-1 и 72 б УК Белорусской ССР **«к 25 годам исправительно-трудовых лагерей и поражение в политических правах сроком на пять лет с конфискацией всего имущества, принадлежащего ему».** В приговоре также значилось: **«Судебные издержки по делу в сумме ста восемнадцати (118) рублей взыскать с осужденного КУЯВЫ».**

25 июля 1949 года Антон КУЯВА был отправлен по этапу в Кенгирское (третье) лагерное отделение Степного лагеря — особый каторжный лагерь МВД СССР в Казахстане. На обложке папки "Личное дела заключенного КУЯВЫ А. Н.", отправленного в лагерь, была отметка — **"агент немцев"**. После тяжелых этапов и пересыльных тюрем отец Антон прибыл в лагерь тяжело больным, с диагнозом "миокардит". Судя по выписке из медицинской карты, хранящейся в личном деле заключенного, в 1951 году состояние его здоровья еще более ухудшилось, ему был поставлен диагноз "миокардиодистрофия". В марте 1952 года он был помещен в лагерный лазарет с новым диагнозом — "активный туберкулезный процесс в легких".

5 марта 1953 года скончался И. В. Сталин. Смерть тирана породила большие надежды заключенных на то, что эпоха террора кончится. В связи с этим ксендз Антон решил открыто продемонстрировать в лагере свой священнический сан. Реакция лагерного оперуполномоченного была решительной — уже 7 марта отца Антона перевели в штрафной барак сроком на два месяца: **«КУЯВА, отбывая срок наказания в 4-м лаг<ерном> отд<елении>, систематически носит одежду не лагерного образца».**

В июле и августе 1953 года Антон КУЯВА отправил заявления в Прокуратуру и Верховный Суд СССР, отметив в них, что он является польским подданным, что во время следствия к нему применялись незаконные методы дознания, что на заседании суда ему не был предоставлен переводчик, так что свое осуждение он считает несправедливым и требует пересмотра дела. Ответ на оба заявления был стандартен: **«осужден Военным Трибуналом правильно, виновность материалами дела доказана. Оснований для пересмотра дела нет».**

Тогда Антон КУЯВА обратился с заявлением в МИД СССР, объяснив, что не по своей воле при разделе Польши в 1939 году он оказался в СССР, сначала на территории Литовской ССР, а позднее — Белорусской ССР. О своих попытках вернуться на родину после окончания войны он писал подробно:

«В 1946 году я вместе с другими польскими гражданами в местечке Моссары был внесен в списки эвакуационной комиссии и получил визу для выезда из БССР в Польскую

Народную Демократическую Республику³. В 1946 году эвакуация польских граждан из местечка Моссары не состоялась, и я до сих пор, по независящим от меня причинам, в ПНР не выехал, хотя до сих пор своего польского гражданства не менял и не потерял».

Далее АНТОН КУЯВА просил подтвердить его польское гражданство и включить его в список лиц, подлежащих эвакуации из СССР в Польшу. Только через месяц он получил сообщение, что его заявление в МИД не было послано, так как **«ходатайствовать об отправке в Польшу заявитель может после отбытия срока наказания»**. А срока этого оставалось еще более двадцати (20) лет — до 16 февраля 1974 года.

Видно, и этот удар не сломил отца Антона, о чем говорит новый приказ начальника Степлага от 13 февраля 1954 года — о переводе заключенного Антона КУЯВЫ в штрафной изолятор на три месяца: **«За активное участие в массовой волынке и подстрекательство к этому других, что привело к организованному невыходу на работу в течение 4 и 5 февраля 1954 года 2 и 3 лаг<ерного> пункта 3-го лаг<ерного> отделения, а также за отказ в работе»**.

Из штрафного изолятора Антон КУЯВА вышел за два дня до начала трагических событий в Степлаге. Выжившие участники восстания заключенных в 3-м лагерном отделении Степлага позднее подробно описали весь ход событий в своих воспоминаниях. Многие документы, связанные с этим восстанием, хранятся в деле № 228 фонда ГУЛАГа СССР в Государственном Архиве Российской Федерации. Учитывая эти документы и воспоминания попробуем кратко описать ход этих событий:

«16 мая 1954 года политзаключенные 3-го лаг<ерного> отделения Особого Степного лагеря взяли под контроль три лаг<ерных> пункта. Один был женским, два — мужскими. Такое было в истории ГУЛАГа лишь один раз. Соединились разлученные на долгие годы родственники, соединились заочно влюбленные юноши и девушки. Именно поэтому кенгирские события уникальны богатством и разнообразием жизни восставших — выпускали стенгазеты, работала радиоустановка, собрали коротковолновый передатчик для связи с границей, были концерты, репетировали спектакль, слсжили священники разных конфессий»⁴.

Свидетельство о том, как выполняли свой пасторский дог священники во время восстания, оставили многие участники. Например, Юрий Грунин, бывший заключенный Степлага и участник кенгирских событий, вспоминал:

«За эти сорок дней забастовки в лагере не было ни одного случая убийств, воровства или драк. Не было и насилий. В лагере среди заключенных оказался священник, ему сшили облачение, и он обвенчал какую-то пару. Когда в лагерной больнице умер старик, священник его отпел. Покойнику сделали гроб и проводили по ритуальному обряду»⁵.

³ Так записано в заявлении Антона Куявы.

⁴ Кравери М., Формозов Н. Кенгирское восстание, 16 мая – 26 июня 1954 года // "Воля". 1994. № 2/3. С. 307.

⁵ Грунин Ю. Кенгир, год 54 // "Знамя". 1989. № 3. С. 229.

О самом ярком событии в своей жизни — венчании в восставшей зоне — подробно рассказала в своих воспоминаниях Анна Гречаник-Витт:

«Многие девушки переписывались с ребятами. Записки привязывали к камню и перекидывали из зоны в зону. Одна записка пришла от ребят с предложением познакомиться "отца с матерью", так называли бригадира с бригадиршей. Так заочно мы познакомились, его звали Костей ВИТТОМ. Он прибыл этапом из Экибастуза, их водили на работу в наручниках. Записки его были очень душевные, всегда он подписывался "тот же Костя", я писала "та же Аня". Впервые мы встретились, когда в лагере вспыхнуло восстание <...> Всю ночь проговорили, узнали все друг о друге. Это была любовь в нашей жизни, первая и навсегда <...> В один прекрасный день К. И. предложил мне обвенчаться. В их зоне был священник, и он уже благословил некоторые пары, Я дала свое согласие, мы пошли в 3-й лаг<ерный> пункт, где в присутствии всей его бригады мы стали законными мужем и женой. Священник читал молитву, соединил наши руки, а потом мы расписались в амбарной книге, на которой был нарисован крест»⁶.

Итак, вольница в лагере длилась сорок дней. И все сорок дней были наполнены ежедневными переговорами, угрозами, обещаниями начальства, — лишь бы восставшие сдались и вернулись к работе. А тем временем к лагерю стягивались войска, подходили танки. Штурм лагеря начался 25 июня. Об этом вспоминал позднее участник событий, находившийся по другую сторону баррикад, — работник ГУЛАГа Дмитрий Яковенко — подавление "бунта" он описал так:

«<...> против по существу безоружных людей бросили около дивизии личного состава с четырьмя боевыми танками <...> Танки применили боевые снаряды. Вели огонь по траншеям, баррикадам, утюжили бараки, давили гусеницами сопротивляющихся <...> Солдаты при прорыве обороны вели прицельный огонь по бунтовщикам. Таков был приказ командования, санкционированный прокурором.

Штурм начался внезапно для заключенных, на рассвете, продолжался около четырех часов. С восходом солнца все было закончено. Лагерь был разгромлен. Догорали бараки, баррикады и траншеи разрушены гусеницами. Вокруг валялись десятки и десятки убитых, раздавленных, обожженных заключенных, четыреста человек получили тяжелые ранения».

О страшной гибели одной из обвенчанных в лагере пар вспоминала заключенная Анна Гречаник-Витт:

«Когда танк подошел к бараку, где мы были, и начал стрелять холостыми в окна барака, загорелись матрацы, и нам пришлось выбежать на улицу. Все люди встали в ряд у стены. Танк шел прямо на нас.

Муж мой фронтовик, сразу понял, что мы можем погибнуть, и оттолкнул меня в сторону, и крикнул другим — "отходите".

Но было поздно, под гусеницы танка попала Марика Мотыка и Зенка⁷ из бригады моего мужа.

⁶ Гречаник-Витт А. Тяжелая молодость // "Воля". 1994. № 2/3. С. 326.

⁷ Зенка — Зиновий Рак.

У них обоих закончился срок, из вызывали на свободу, но они остались вместе со всеми. Они любили друг друга, так и легли в одну могилу»⁸.

Когда Кенгирское восстание было подавлено, следствие уделило особое внимание роли в нем священнослужителей. В материалах следственного дела представлена "Схема самоуправления", выполненная в духе оперативной чекистской разработки и демонстрирующая особую опасность выступления заключенных. Отметим, что четкую организацию самоуправления заключенных во время восстания в лагере, его подготовленность эта схема отражала вполне объективно. В графе "Отдел пропаганды" четко отражена работа священников.

«При "Отделе пропаганды" активно действовала группа попов Православной, Католической и Автокефальной Церкви. Эти попы систематически проводили молебны и призывали заключенных к неповиновению лагерной администрации»⁹.

Католический священник Антон КУЯВА открывал составленный чекистами список активных членов "Отдела пропаганды". О пасторской деятельности отца Антона, за которую, конечно, после подавления восстания ему "воздадут", с благодарностью позднее вспоминали участники событий: **«Чувство долга руководило Антоном Ивановичем КУЯВОЙ, когда он венчал новобрачных и отпевал погибших»¹⁰.**

За активное участие в востании отец Антон был отправлен в штрафной изолятор, однако из-за резкого обострения туберкулезного процесса в легких начальство вынуждено было перевести его в лагерный лазарет. А 2 декабря 1954 года Карагандинский областной суд постановил: **«осужденного КУЯВУ Антона Николаевича от дальнейшего отбытия меры наказания досрочно освободить»** по состоянию здоровья.

Итоги операции **«по ликвидации массового неповиновения заключенных в Степном лагере»** в июле 1954 года подвел начальник ГУЛАГа И. Долгих в "Докладной записке", представленной в Москву. Анализируя причины восстания заключенных он особо отметил роль священников в его подготовке и организации:

«Активная часть националистов и других враждебных элементов длительное время отрицательно воздействовала на заключенных, особенно на молодежь; пользуясь отсутствием какой бы то ни было антирелигиозной пропаганды, они использовали для пропаганды враждебной идеологии находящихся в заключении попов и баптистов.

Исходя из этого, считаем необходимым во всех лагерях, особенно в особых, значительно усилить политико-воспитательную работу и антирелигиозную пропаганду <...> В ближайшие шесть месяцев всех попов, ксендзов и активных религиозников из лагерей изъять и сконцентрировать их в отдельных лагерях или лаг<ерных> подразделениях»¹¹.

Но все это относилось к другим заключенным, а отец Антон вышел на свободу, правда эта "свобода" предполагала еще пять лет поражения в правах, то есть ссылку. И в "Личном деле заключенного" хранится документ за подписью начальника спецчасти Степного лагеря:

⁸ Гречаник-Витт А. Тяжелая молодость // "Воля". 1994. № 2/3. С. 326-327.

⁹ Кравери М., Формозов Н. Кенгирское восстание, 16 мая – 26 июня 1954 года // "Воля". 1994. № 2/3. С. 307.

¹⁰ Кравери М., Формозов Н. Там же. С. 315.

¹¹ Там же. С. 363.

«Направляем для взятия на учет освободившегося КУЯВУ Антона Николаевича». 31 декабря 1954 года с Антона КУЯВЫ была взята подписка о том, что он обязуется:

«1. Не разглашать сведений о режиме содержания заключенных, правилах внутреннего распорядка и работах, выполнявшихся мной и другими заключенными.

2. Не брать поручений от заключенных»¹².

Только в конце 1955 года у отца Антона появилась надежда на получение подлинной свободы. 2 февраля 1956 года он подал заявление на имя начальника спецчасти Степного лагеря МВД СССР с просьбой выдать ему документ о том, что он **«подпадает под действие Указа Верховного Совета СССР от 17.09.55»** и освобождается. Весной 1956 года отец Антон выехал в Польшу.

Так закончился крестный путь Антона КУЯВЫ — католического священника, каторжника и бунтаря.

¹² Личное дело заключенного А. Н. КУЯВЫ // Центральный архив МВД РФ.